

Н. И. МИЦКУН

О ВОССТАНИЯХ В ВАЛЕНСИИ ЛЕТОМ 1808 ГОДА

Национально-освободительная борьба испанского народа против Наполеона, к сожалению, еще мало подвергалась со стороны историков-марксистов углубленному изучению. В имеющихся же трудах о ней, принадлежащих перу дворянско-буржуазных авторов, много пробелов и прямых искажений. Так, в этих работах совершенно отсутствует анализ действий народных масс, игравших решающую роль в национально-освободительной борьбе. Все, что говорится даже в обстоятельных исторических исследованиях (как, впрочем, и во многих документах того времени) о выступлениях народных низов, сводится к описаниям проявлений «анархии». В пятитомной монографии графа Торено¹, опубликованной в 30-х годах прошлого века, но до сих пор остающейся образцом для буржуазных историков, восстание в Валенсии в июне 1808 г. изображается лишь как «анархия», «ужасная резня», «при воспоминании о которой перо выпадает из рук», и т. п.² А представитель испанского либерализма Ховельянос заявляет, что поддержка либералами реакционного крыла национально-освободительного движения вызвана была в значительной мере «необходимостью совместной борьбы» против «анархии»³.

В процессе работы над историей национально-освободительной борьбы Испании против Наполеона нам удалось обнаружить документы, позволяющие приоткрыть несколько завесу над тем, что представляла собой эта «анархия» в Валенсии. Документы эти состоят из приказов, воззваний и объявлений Валенсийской хунты⁴. Хотя подобные материалы имеются, несомненно, и в испанских архивах, они до сих пор, насколько нам известно, не опубликованы. Названные документы относятся к периоду, непосредственно последовавшему за национально-освободительным восстанием в Валенсии, и их нельзя понять вне связи с ним.

Известно, что французские войска вступили в Испанию еще осенью 1807 г. как союзники в войне против Португалии, и никто в то время

¹ Toréno. Histoire du soulèvement, de la guerre et de la révolution d'Espagne, t. I—V. Paris, 1836.

² Ibid., t. I, p. 238—244. В недавно вышедшем 5-м издании книги Labula y Lera. España bajo los Borbones (1955) автор почти дословно повторяет сказанное у Торено.

³ G. M. Jovellanos. Memoria en que se rebaten las calumnias divulgadas contra los individuos de la Junta Central del Reyno, y se da razon de la conducta y opiniones del autor desde que recobro su libertad.— «Biblioteca de autores españoles», t. 46. Obras de Jovellanos, t. I, p. 560.

⁴ Первый из документов датирован 23 мая, последний — 31 июля 1808 г. В основном это печатные материалы, по размерам и форме часто приближающиеся к плакатам. Документы эти хранятся в Архиве внешней политики России в качестве приложений к донесениям русского посла в Мадриде А. Строганова. Попали они к Строганову следующим образом: в конце июня 1808 г., когда испанские войска подходили к Мадриду, а население перехватывало и убивало французских курьеров, Строганов искал надежный путь для пересылки донесений в Россию. Валенсийская хунта, узнав об этом и стремясь завязать сношения с Россией, отправила письмо с предложением воспользоваться уходящими из Валенсии кораблями. К письму хунта приложила пачку своих воззваний и приказов для того, чтобы посол «узнал, до каких размеров доходит благородный энтузиазм и воодушевление этого королевства (Валенсии.— Н. М.)». — Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, д. 7513, л. 503—504. Донесения Строганова от 31 июля — 12 августа 1808 г. и письмо Валенсийской хунты.

особого значения их пребыванию в Испании не придавал. Им удалось занять основные стратегические пункты и коммуникации и под разными предлогами удалить из страны значительную часть испанской армии. Только весной 1808 г. народ почувал неладное. Король Карл IV, всецело находившийся под влиянием камарильи, возглавляемой Годоем, вместо принятия решительных мер против интервентов собирался бежать. Это довело ненависть масс к Годою и Карлу IV до предела. В Аранхуэсе вспыхнула революция. 19 марта Карл IV был свергнут и на престол возведен его сын Фердинанд VII.

Наполеон, стремясь полностью завладеть Испанией и посадить на ее трон своего брата Жозефа, заманил в конце апреля Бурбонов на французскую территорию и там подстроил комедию их отречения. После этого он считал свое владычество в Испании обеспеченным. Однако его действия вызвали огромное возмущение в народе, а провокационная политика французского наместника маршала Мюрата привела 2 мая 1808 г. к восстанию в Мадриде, которое было подавлено французскими войсками с чрезвычайной жестокостью.

Восстание это вызвало ужас у представителей старых испанских властей и аристократии — страшный для них призрак Французской революции встал перед их взором. Массы, взявшиеся за оружие — все равно с какой целью, — внушили им такой страх, что они окончательно перешли на сторону интервентов, видя в них единственных своих спасителей. Народ же Испании воспринял весть о восстании как сигнал к действию во всей стране. «Испанская кровь, пролитая в Мадриде, вопиет об отмщении!» — говорилось в воззвании, с которым патриоты Севильи обратились ко всему испанскому народу⁵. Фердинанд, по приказу Наполеона увезенный во Францию, был принужден отречься от престола, а измена верхов показала народным массам, что им не от кого ждать организации борьбы против интервентов. Народ был предоставлен самому себе, по это лишь развязало его инициативу. «Благодаря Наполеону, — писал впоследствии К. Маркс, — страна избавилась от короля, королевской фамилии и королевского правительства. Таким образом, были разбиты оковы, которые в противном случае могли помешать испанскому народу проявить свою врожденную энергию»⁶. Вновь ожили героические традиции, массы сами взялись за организацию отпора интервентам. При этом имя Фердинанда стало символом сопротивления, символом, который каждый, впрочем, толковал по-своему.

В конце мая — начале июня 1808 г. по всей стране прокатилась волна национально-освободительных восстаний. Дворянские и буржуазные историки подчеркивают прежде всего их стихийность. «Всю Испанию охватило движение стихийное, пламенное и слепое, вдохновляемое народным гневом», — пишет вслед за крупным ученым XIX в. М. Лафуэнте современный историк Х. Гарсия-Родригес⁷. Между тем описание национально-освободительного движения в Валенсии, содержащееся, например, в интересных работах Шепелера и Бойкса⁸ (кстати сказать, совсем не используемых более поздними испанскими историками), раскрывает присущие этому восстанию черты организованности.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 571—572.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 435.

⁷ J. Garcia-Rodriguez. Guerra de la Independencia. Barcelona, 1945, p. 236.

⁸ См. Schepeler. Geschichte der Revolution Spaniens und Portugals, Bd. I—II. Berlin, 1826—1827. Немец Шепелер в молодости сам сражался как доброволец в рядах испанской армии. Он оставил очень ценное описание национально-освободительной борьбы в Испании. Резко расходясь со всей буржуазной историографией, он отмечает, что «наряду с открытой войной против завоевателей происходила в то время борьба и внутри нации — между народом и аристократией, и многие, весьма заслуженные патриоты пали жертвами этой борьбы». В своей работе Шепелер приводит скрывааемые другими историками факты об измене представителей дворянства В. Бойкс стоит на реакционных позициях, но его работа по истории Валенсии (V. Boix. Historia de la ciudad y reino de Valencia, t. I—III. Valencia, 1845—1847)

Следует отметить и следующую, характерную для национально-освободительных восстаний в Испании черту. Вожаками стихийных выступлений были часто лица из народа — седельщики, мелкие торговцы, возчики и т. п. В результате восстаний создавались обычно новые органы власти — хунты, призванные руководить сопротивлением. Но в них видную роль играли представители старых властей, которые часто помышляли лишь о переходе в лагерь французов или приобрели печальную известность своими бесконечными поражениями. В конце концов хунты, по выражению Маркса, «первые детища народного порыва в начале революции», на протяжении всего развития событий «вставали как плотины против революционного потока, всякий раз как он грозил выйти из берегов»⁹.

Борьба между народными массами и хунтами, как и борьба между различными социальными группами внутри хунт, почти не освещена буржуазными историками — она замалчивается ими. Это побуждает нас осветить вкратце ход национально-освободительного восстания в Валенсии.

* * *

Королевство Валенсия было одной из самых развитых в промышленном отношении областей Испании. По словам Бургоэна, бывшего много лет послом Франции в Испании (книга его служит одним из основных источников по истории Испании того времени), «город и все королевство Валенсии отличаются работой их фабрик»¹⁰. Из его описания видно, что так называемые «фабрики» Валенсии были типичными рассеянными мануфактурами. Здесь была развита преимущественно шелкоткацкая промышленность. В 1873 г. на 4 тыс. шелкоткацких станках работало 20 тыс. человек (подсобные рабочие не учитываются). В начале XIX в. количество станков удвоилось¹¹.

В апреле — мае 1808 г. Валенсию, как и всю Испанию, охватило сильнейшее возбуждение¹². В Валенсии возникли тайные общества, ставившие своей целью организацию восстания против французских поработителей. В армии такое общество создал офицер Морено, вовлекший в него своих друзей¹³. Среди гражданского населения тайное общество организовали братья Бертраны де Лис.

Братья Бертраны, поднявшиеся из низов представители местной буржуазии, пользовались определенным влиянием в массах. Бертраны тайно наберяли около 600 человек, снабдив их оружием и деньгами. Это был уже значительный революционный отряд, находившийся в постоянной боевой готовности. Каждому завербованному выплачивалось по 8 реалов в день. Было налажено подпольное производство картечи и других боеприпасов. Но Бертраны не осмеливались взять на себя непосредственное руководство восстанием, а начали подыскивать военного, который мог бы его возглавить. Насколько сильным было в то время не только в широких массах Испании, но и среди передовых представителей буржуазии неверие в свои силы, стремление поставить во главе движения кого-либо из военных, видно из того, что, когда один из офицеров, намеченных Бертранами в руководители, отказался принять участие в восстании, это чуть было не сорвало выступление.

Прошло довольно много времени, прежде чем Бертраны установили связь с обществом, организованным Морено в армии. Когда же это про-

интересна тем, что автор приводит много подробностей, выдержек из источников, обычно опускаемых другими историками.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 439.

¹⁰ J. F. Bourgoing. Tableau d'Espagne moderne, t. III. Paris, 1807, p. 284.

¹¹ Ibid., p. 265.

¹² Описание подготовки и хода восстания в Валенсии мы черпаем в основном из упомянутых выше работ Шепелера, Бойкса и Торено.

¹³ Впоследствии Морено стал одним из ярых поборников реакционного карлистского движения.

изошло, подготовка восстания в Валенсии ускорилась. Мощным толчком явилось известие о восстании 2 мая в Мадриде. Однако, прежде чем руководители тайных обществ закончили свои приготовления, стихийное движение опередило их. В эти тревожные дни группы людей, в первую очередь ремесленники и рабочие, а также прибывшие в столицу Валенсии крестьяне, все время толпились на улицах, обсуждая последние события.

23 мая 1808 г. в Валенсии стало известно об отречении Бурбонов. Это усилило возбуждение. Народ высыпал на улицу и направился к дворцу генерал-капитана (губернатор) Конкисты, провозглашая здравицы в честь Фердинанда, требуя отказа от подчинения Мюрату, объявления со стороны акуэрдо — совещательного органа при генерал-капитане — войны Франции и организации для этой цели армии. Конкиста обещал обсудить эти вопросы с акуэрдо, которое он тотчас созвал. Но больше всего боясь народного движения, власти в действительности совещались лишь о том, как его подавить. Народ, ожидавший их решения, стал терять терпение. В это время на сцену выступил Хуан Рико. Это был францисканский монах, человек энергичный и решительный, обладавший пламенным красноречием. Он стал горячо убеждать народ, собравшийся на площади св. Доминго, в необходимости избрать своих руководителей.

Тайное общество Бертранов и Морено было, очевидно, захвачено событиями врасплох, так как в этот день ничем не обнаружило своего существования. Не удивительно поэтому, что выбор масс пал на Рико, — и случайно выдвинутый народом человек занял сразу же руководящее положение в движении. Вместе с другими избранными тут же представителями он направился добиваться от властей немедленного проведения в жизнь требований народа.

Конкиста, поддержанный членами акуэрдо, ответил так, как отвечало в подобных случаях большинство генерал-капитанов: война против Наполеона — безумие, у провинции нет ни денег, ни войска, одна Валенсия выступить не может и т. п. Начались пререкания, и только тогда, когда Рико пригрозил генералу гневом народа, заполнившего все подступы к дворцу, тот уступил, да и то, как показывает составленный им приказ, лишь внешне: «Его сиятельство синьор генерал-капитан и королевское акуэрдо приказывают народу успокоиться и разойтись по домам, так как они всегда заботились о его благополучии и сделают все что смогут для осуществления его желаний; [они приказывают], чтобы был произведен набор, а пока будет происходить обучение, генерал-капитан по-прежнему будет нести свои обязанности, которые он до сих пор выполнял на пользу провинции и ее столицы»¹⁴. Далее перечислялись чиновники, назначенные для проведения набора.

Понятно, что этот приказ, не отвечавший основным требованиям народа, не мог его удовлетворить. Как велика была решимость народа бороться против французских интервентов, показывает следующий знаменательный факт: не дожидаясь окончания происходивших переговоров, уличный торговец Висенте Доменеч, разорвав свой красный пояс и водрузив его вместе с иконой и изображением Фердинанда на палку, двинулся по улицам, увлекая за собой народ. Дойдя до дома, где продавалась гербовая бумага, толпа ворвалась в него, а Доменеч, разрывая на клочки бумагу — символ власти французов, так как на ней было написано, что она действительна на время правления Мюрата, — торжественно заявил: «Бедный продавец объявляет войну Наполеону. Да здравствует Фердинанд, смерть предателям!». Возглас этот был подхвачен народом.

Когда Рико прочел с балкона приказ акуэрдо, народ с удвоенной силой потребовал провозглашения королем Фердинанда, вопреки его насильственному отречению, немедленного набора в армию и назначения ее главнокомандующим Сервельона, дворянина, пользовавшегося популяр-

¹⁴ V. Boix. Historia..., t. II, p. 136.

ностью в народе. Вернувшись в агуэрдо, Рико заявил, что нация не признает никого, кроме Фердинанда: «Таково,— прибавил он,— требование народа, который заполнил уже галереи этого священного здания, прилежащие улицы и повсюду провозглашает Фердинанда королем»¹⁵.

Агуэрдо подчинилось, назначив Сервельона на требуемый народом пост. Как отнесся этот «избранник народа» к своей новой должности, показывают его слова, весьма характерные для отношения валенсийского дворянства к национальному движению: «Господа, вы ввергаете меня в отчаяние! Ведь через неделю придут французы и повесят меня!»¹⁶.

Тем не менее агуэрдо выпустило за его подписью видоизмененный Рико приказ, звучавший уже несколько иначе:

«Фердинанд VII, божьей милостью король Испании, и от его имени их сиятельства генерал-капитан и королевское агуэрдо приказывают... чтобы был произведен обязательный набор мужчин в возрасте от 16 до 40 лет». Перечислив лиц, назначенных для шрования набора, приказ добавлял: «И Сервельон станет во главе этих войск, для этой цели ему будут назначены подчиненные... Валенсия, 23 мая 1808 г. Граф Сервельон»¹⁷.

Уступка со стороны агуэрдо была лицемерной и мнимой. Вечером у Конкисты в присутствии Сервельона тайно собрались представители властей и постановили просить Мюрата прислать войска для подавления восстания. Став на путь прямой измены национальным интересам, валенсийские верхи попытались обезглавить народное движение, удалив Рико, которому архиепископ предложил крупную сумму, если он уедет из Валенсии. Но францисканец с негодованием отклонил предложение своего духовного владыки. Слух об обращении Конкисты и агуэрдо к интервентам распространился по городу. Стало очевидным, что стихийное восстание оказалось безрезультатным, поскольку народ, удовлетворившись обещаниями, не закрепил за собой никаких реальных позиций. Рико, опасаясь преследования со стороны властей, вынужден был скрыться в келье одного из монастырей.

Теперь члены тайного общества, которые либо не успели, либо не сумели в момент восстания 23 мая стать во главе его, решили действовать. Стремясь объединить все силы, они хотели выступить вместе с Рико, уже признанным массами вожаком. Всю ночь Морено и Бертраны разыскивали его и, найдя лишь под утро, предложили действовать сообща. Рико согласился, было решено выступить в тот же день и прежде всего захватить крепость, господствовавшую над городом. По свидетельству Шепелера, военное руководство этой операцией было возложено на Морено. Повстанцы стали собирать свои отряды. Рико, появившись на улицах, стал призывать народ к выступлению.

Один из повстанцев отправился к Конкисте, требуя ключей от крепости. Тот, как и следовало ожидать, отказал. Тогда вооруженные отряды и толпы народа, оттеснив караул, заполнили двор резиденции генерал-капитана. Конкиста принужден был смириться, однако и на этот раз он уступил лишь наполовину, разрешив войти в крепость только нескольким руководителям движения. Но едва дверь цитадели была открыта, как через нее ворвались вооруженные отряды. Народ овладел крепостью. Морено стал тут же раздавать оружие и производить набор в ополчение. С этого дня он стал начальником крепости, «командиром суверенного народа», как он себя называл.

Восстание победило. Важно подчеркнуть, что произошло это лишь после того, как во главе стихийно выступивших масс встали те представители валенсийской буржуазии и армии, которые заранее готовили это восстание.

¹⁵ Ibid., p. 132.

¹⁶ Schepeler. Geschichte..., Bd. II, S. 161.

¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 341.

Опираясь на вооруженный народ и на захваченную им крепость, руководители восстания были теперь фактически господами положения. Однако они даже не помышляли о том, чтобы возглавить народное движение против интервентов. Наоборот, их первой мыслью было создать хунту и притом так, чтобы сохранить максимально возможную преемственность по отношению к старым властям.

Вожаки восстания делегировали в муниципалитет Висенте Бертрана, и он добился там одобрения предложения о создании хунты. Затем были созваны представители старых властей, которым Бертран сообщил о решении муниципалитета, а Рико от имени народа предложил избрать хунту. Интересна сама мотивировка этого составленного в письменной форме предложения, к которому был приложен «список лиц, долженствовавших иметь место и голос в Верховной хунте»: «Народ валенсийский хочет успокоиться. Поэтому он желает, чтобы граждане всех сословий получали представление о мероприятиях, которые проводятся для защиты от общего врага, и сообщали о них всему плебсу. Это возможно только в том случае, если лица, стремящиеся к тем же целям, которые поставил себе народ в защите королевства, будут допущены в Верховную хунту, назначены ее членами и каждый из них будет обладать правом голоса. Народ считает, что ваше сиятельство (таков был общепринятый титул агуэрдо.— *Н. М.*) должно принять это предложение вместе с прилагаемым списком лиц, которых народ избрал. Валенсия, 25 мая 1808 г. Представители народа Рико и Кортес-и-Санс»¹⁸.

Из документа видно, что вожаки восстания стремились не к тому, чтобы самим возглавить борьбу за независимость, а, напротив, хотели заставить представителей старой администрации (которых сами же восставшие подозревали в измене национальному долгу) вести эту борьбу. Успешное восстание давало возможность его руководителям фактически диктовать приказы. А вместо этого они предпочитали вступить в союз с прежними властями. Это было характерно не только для Валенсии. «Испанская революция,— писал Маркс,— с самого начала была обречена на неудачу из-за стремления держаться в границах законности и хорошего тона»¹⁹.

Характерным был и список лиц, предложенных Рико для избрания в хунту: в него были включены члены агуэрдо, уголовной и финансовой палат, представители духовенства и дворянства, высшего чиновничества, военных и т. п. В списке значились, правда, и некоторые ремесленники, а также буржуа — кушцы, коммерсанты. К сожалению, установить соотношение отдельных социальных групп невозможно, но преобладание представителей старых властей очевидно.

Рико, видимо, надеялся, что при помощи выборных от предместий Валенсии, а также Висенте Бертрана и других руководителей восстания он сможет заставить агуэрдо осуществлять волю народа. Позднее хунта включила, по предложению Рико, в число своих членов еще ряд лиц, в том числе и Н. Рубио (члена тайного общества Морено) в качестве секретаря. Себя Рико в члены хунты не включил и только по предложению явно заискивавшего перед ним епископа получил в качестве «народного трибуна» право присутствовать на ее заседаниях и вносить предложения от имени народа.

Как и следовало ожидать, в хунте вскоре разгорелась борьба между старыми властями и представителями народа. Конкиста упорно отстаивал свои позиции: в первый же день существования хунты, когда был поставлен на обсуждение вопрос об объявлении войны Наполеону, Конкиста снова выступил с заявлением, что сил для сопротивления недостаточно. а народ, выбравший хунту, покинет своих руководителей в минуту опас-

¹⁸ V. Voix. Historia..., p. 148. Мануэль Кортес-и-Санс, валенсийский адвокат, завоевавший популярность в народе своими выступлениями против предателей.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 443.

ности. С ответом на эту предательскую речь, вызвавшую растерянность среди перепуганных членов хунты, выступил Висенте Бертран. Он не только опроверг утверждения Конкисты о бессилии и изменчивости масс, но и восхвалял революцию, выявившую непобедимую мощь народа: «Если бы французы,— сказал он,— отступили перед трудностями, которые они должны были преодолеть, чтобы довести до конца свою революцию, они стали бы рабами своих соседей... Французы нам показали, что мощь народа, с энтузиазмом борющегося за свою независимость и свободу, безгранична: мы последуем их примеру»²⁰.

Однако Конкиста не сдавался. Стремясь поставить Бертрана в тупик, он не без язвительности спросил его, как тот намерен организовать сопротивление «первому воину Европы». В ответ на этот выпад Бертран предложил осуществить прежде всего всеобщее вооружение народа. В тот же день хунта объявила войну Наполеону и выпустила воззвание, провозглашавшее королем Фердинанда, сообщавшее о созыве хунты, производстве набора в армию и т. п. Но характерна сама форма изданного приказа: «Его сиятельство генерал-капитан, королевское акуэрдо, аюнтамьенто (муниципалитет.— *Н. М.*) города и другие власти этой столицы, которые вместе образуют генеральную правительственную хунту королевства (Валенсийского.— *Н. М.*), приказывают... произвести набор»²¹.

Хунта выступала здесь как простое соединение старых органов власти. В приказе отсутствовало даже упоминание о том, что в ее состав вошли и другие лица и, главное, что она являлась детищем восстания и была избрана народом.

Первые приказы хунты, сохранившиеся в архиве Строганова, поражают своей противоречивостью, проистекавшей, несомненно, от борьбы в ее рядах. Так, пункт 1 приказа от 26 мая обещал помилование всем дезертирам и контрабандистам, вступавшим в ополчение. В пункте 3 объявлялось, что «все представители белого и черного духовенства, способные носить в случае необходимости оружие для самозащиты, обязаны без промедления записаться в ополчение». В пункте 5 значилось, что цехи должны создать отряды для поддержания порядка под руководством дворян, не способных к действительной службе, причем, чтобы не мешать работе, обучение должно производиться в свободные от работы часы²². Этот приказ был направлен на мобилизацию всех боеспособных сил для нужд обороны. Зная о нежелании Конкисты и его приспешников бороться с французскими захватчиками, мы можем с уверенностью сказать, что эти пункты были включены под давлением народа и его представителей в хунте. Под их же воздействием был издан, несомненно, и приказ от 27 мая о концентрации военных сил и введении в войсках суровой дисциплины, строго, вплоть до смертной казни, карающей всякого, кто уклоняется от обязанности «умереть, но не сдать на милость врагу»²³.

Интересами обороны было продиктовано также воззвание от 31 мая на испанском, французском и итальянском языках, призывавшее французских солдат переходить на сторону валенсийцев, чтобы либо служить в рядах их войск, либо отправиться туда, куда они сами пожелают²⁴.

В то же время Морено назначался приказом от 26 мая (пункт 4) командиром формирующейся дивизии. На первый взгляд это было повышение. В действительности же, как показывают дальнейшие события, со стороны старых властей это был ловкий маневр. Включение Морено, руководителя восстания и коменданта господствовавшей над городом крепости, в ряды действующей армии имело целью удалить его из Валенсии. Показательно, что не успел еще Морено подойти к границам

²⁰ V. Boix. Historia..., p. 155—156.

²¹ Ibid., p. 156.

²² АВПР, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 570.

²³ Там же, л. 569.

²⁴ Там же, л. 564.

Каталонии, как ему пришлось сделать длительную остановку для починки ружей. Очевидно, ему дали с собой негодное вооружение.

Таким образом, Конкиста и его приспешники, вынужденные провести некоторые мероприятия, требуемые народом, буквально с первых же дней существования хунты предпринимали шаги, чтобы вернуть себе всю полноту власти и удалить выдвинувшихся во время национально-освободительного восстания руководителей народа.

Народные массы отнюдь не были удовлетворены результатами восстания и выражали недовольство деятельностью хунты. Вопреки мнению вожжаков, утверждавших, что «народ хочет успокоиться», и считавших, что для этого достаточно созыва хунты, жители Валенсии продолжали собираться на улицах с оружием в руках. В исторической литературе эти факты замалчиваются, но в архивных документах можно найти многочисленные подтверждения того, что борьба масс продолжалась. Так, в появившемся на следующий день после восстания приказе хунты говорилось:

«Чтобы избежать пагубных последствий, к которым может привести беспорядок, так как возможно, что в среду благонамеренного населения этого честного города затесались лица, обуреваемые порочными намерениями, Верховная правительственная хунта приказывает всем жителям разойтись по домам и заняться своим делом под страхом суровых наказаний. Не подлежащие призыву должны сделать это немедленно. Валенсия, 25 мая 1808 г.»²⁵.

Если этот приказ говорит лишь о «возможном беспорядке» и, избегая обвинений против «благонамеренного населения», приписывает беспорядки «затесавшимся злоумышленникам», то пункт 7 приказа, изданного днем позже, уже прямо направлен против народа, захватившего оружие во время восстания: «Отныне запрещается без разрешения правительства носить какое-либо оружие, выданное для патрулирования или военного обучения. Всякий, нарушающий этот приказ, будет рассматриваться как нарушитель общественного спокойствия»²⁶.

Пункт 8 приказа от 26 мая позволяет установить, кто именно являлся «нарушителем общественного спокойствия». Этот пункт возлагал на хозяев и глав семьи наблюдение за тем, чтобы их сыновья и слуги не нарушали общественного спокойствия²⁷. Если здесь слово «слуги» можно еще толковать в смысле лиц, находящихся в услужении, то пункт 4 приказа от 4 июня прямо различает «сыновей, слуг и подчиненных»²⁸. Очевидно, здесь, как и в других документах того времени, когда речь идет о «подчиненных», имеются в виду лица, работавшие на хозяев²⁹, т. е. мануфактурные рабочие, подмастерья и ученики, столь многочисленные в Валенсии. Именно они вместе с хозяйскими сыновьями и были основными «нарушителями спокойствия». Но и сами «отцы семейств», видимо, не оставались безучастными, и хунта старалась их запугать, заявив, что «под страхом строжайших, немедленных и не подлежащих отмене наказаний она возлагает ответственность на отцов семейств, которые не стараются удерживать в подчинении, особенно по ночам, своих сыновей, слуг и подчиненных»³⁰.

Итак, ремесленники, мануфактурные рабочие, подмастерья и слуги — таков основной элемент «нарушителей спокойствия», столь характерный для плебейских выступлений. Не менее характерно для плебейского движения активное участие в нем женщин. Так было и в Валенсии. Хунта запрещала женщинам «после первой молитвы выходить на улицу, воз-

²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 571.

²⁶ Там же, л. 570.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 558.

²⁹ Смещение терминов «слуги» и «подмастерья» характерно и для французских источников.— См. Б. Ф. Поршневу. Народные восстания во Франции перед Фрондой. М., 1948, стр. 287.

³⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 558.

буждая беспокойство и смуту», и даже грозила им «заключением в тюрьму, где по отношению к ним будут приняты соответствующие меры»³¹.

В чем же состояло «нарушение общественного спокойствия»? В первых приказах хунты неопределенно говорилось о «беспорядках» вообще. Но уже из приказа от 27 мая можно увидеть, в каком направлении развивалась активность масс. Приказ был обращен прежде всего против тех, кто «оскорбляет других и сеет вокруг раздоры и неверие». «Пусть тот, — говорилось в нем, — у кого имеются серьезные причины для жалоб и обвинений, сделает это перед хунтой». Но дело не ограничивалось обвинениями. Уже в эти дни народ с оружием в руках расправлялся с ненавистными ему лицами: «Нельзя допустить, — восклицала хунта, — чтобы наш любимый король Фердинанд VII, узнав о наших благородных чувствах, залился слезами из-за того, что кровь его народа, его испанцев, течет, проливаемая ими же самими, и что потерял хоть один человек, способный сопротивляться неприятелю... Нынешние потрясения не должны превратиться в эпоху господства своеволия и оскорбленных чувств».

Хунта пыталась овладеть движением, заверяя, что «всегда готова выслушать каждого и, приказав арестовать обвиняемого, судить его быстро и строго». В этом приказе впервые проявилось стремление изобразить движение плебейских масс как возбуждаемое и вызываемое врагом. В конце приказа прямо говорилось, что смутяны «являются в действительности скрытыми врагами, которые будут наказаны со всей строгостью, вплоть до смертной казни, для того, чтобы другие жили спокойно»³².

Против кого были направлены выступления плебейских масс? Современники событий частично открывают нам это, описывая обстоятельства убийства барона Альбалата. Барон был с давних пор ненавистен народу Валенсии. Тем не менее Рико включил его в состав хунты — факт, свидетельствующий о том, что действия Рико после восстания не соответствовали настроениям и пожеланиям масс. Когда же в Валенсии распространился слух о связи Альбалата с Мюратом, то, несмотря на попытки Морено и Рико защитить барона, разъяренная толпа набросилась на него и он был заколот кинжалами³³.

Важно отметить, что наряду с общенациональными требованиями решительного отпора французским поработителям плебейские массы выдвинули и свои специфические требования. Таким было, прежде всего, требование облегчения налогового гнета. По-видимому, оно выдвигалось столь настойчиво, что хунта принуждена была частично уступить, отменив налог на хлеб и вино — основные продукты питания валенсийцев. В приказе от 28 мая хунта подчеркивала вместе с тем, что «остальные налоги подлежат обычной уплате»³⁴.

Но массы не удовлетворились ни подачками хунты, ни фразами о «благогородном общем деле». В приказе от 4 июня говорилось уже не об «оскорблениях» и «проливаемой крови», а о «наблюдаемых в последние дни эксцессах, совершаемых толпой злодеев, которые стремятся разрушить порядок». Эксцессы эти совершались «лицами... вооруженными огнестрельным и холодным оружием, которые насильничают, грабят и оскорбляют почтенных жителей в их домах и на улицах... особенно патрули из монахов, дворян и частных лиц». Самый факт учреждения патрулей и специальных караулов из «почтенных граждан», под которыми надо, очевидно, подразумевать буржуа, свидетельствует о том, что подобные нападения не были единичными. Кавалерийскому полку было приказано открывать огонь по любому «скоплению народа», не расходившемуся после трехкратного предупреждения³⁵. Не может быть сомнения в том, что подобные меры мог-

³¹ Там же, л. 563.

³² Там же, л. 568.

³³ См. Toréno. Histoire..., t. I, p. 236—238.

³⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 565.

³⁵ Там же, л. 558.

ли применяться только в связи с весьма широким массовым движением против имущих.

5—6 июня в Валенсии произошли события, которым реакционная историография придает особое значение. В ее изображении сущность событий состояла в том, что в ночь с 5 на 6 июня были убиты французы, проживавшие в Валенсии. По приказу хунты, желавшей оградить их от преследований, они были размещены в крепости. Здесь, как пишет Торенс и произошла по наущению каноника Кальво страшная резня французов³⁶

Чтобы разобраться в том, что в действительности случилось 5—6 июня следует прежде всего посмотреть, как отражены события этих дней в документах, опубликованных сразу же после событий.

В приказах хунты, изданных 6 июня и ранее, не было никаких упоминаний ни об убийстве французов, ни о Кальво. Впервые о событиях говорилось в приказе хунты от 7 июня. Но и в нем не было ни слова об убийстве французов. Он был направлен против «злоумышленников», «покушающихся на безопасность и собственность», и призывал всех «почтенных жителей» вооружиться под руководством муниципалитета, «чтобы силой рассеять все сборища подобного рода лиц, разоружить и захватить их». Затем в приказе говорилось о создании военного трибунала, который «вынесет им (лицам, покушающимся на «безопасность и собственность». — *Н. М.*) быстро и по-военному приговор, соответствующий совершенным ими эксцессам»³⁷.

Сопоставление различных источников, которые, правда, все выражают точку зрения господствующих классов, позволяет, хотя и неполно, восстановить картину событий.

По данным обвинительного заключения, каноник Кальво прибыл в Валенсию за несколько дней до 5 июня. Первые «шаги, предпринятые Кальво на глазах у всех», описываются следующим образом: «Прежде всего — возведение обвинений на членов Верховной хунты с тем, чтобы сделать ее подозрительной в глазах народа; для этого он выдумал, что многие из них были связаны с врагом». Нам известно, однако, что и до появления Кальво члены хунты были на подозрении у народа, что имели место даже покушения на них. Связь членов хунты с Мюратом также была реальным фактом, который вынужден признать даже Торенс. Таким образом, это обвинение, выдвинутое против Кальво, свидетельствует лишь о принципиальности последнего.

Прокурор сообщал далее, что Кальво обратился к Морено и Рико, «так как их деятельность получила в эти дни всеобщее признание... горячо убеждая их не верить хунте, говоря, что им и народу следует бояться врагов, которые в ней имеются; что тогда, когда дивизия Морено направится на Эбро, необходимо, чтобы кто-нибудь из своих людей оставался в крепости; что он, Кальво, вместе с Рико и кем-нибудь еще готов быть ее комендантом». Обвинительное заключение неоднократно подчеркивало также тесную связь Кальво с «чернью», «злодеями», как прокурор именовал народные массы Валенсии³⁸.

Разграничив вымыслы прокурора и приводимые им факты, мы можем установить, что Кальво был горячим поборником независимости Испании, видел предательство хунты и разоблачал его перед плебейскими массами. Правда, на основании обвинительного заключения нельзя выяснить, имела ли связь между выступлениями народных низов против собственности и агитацией Кальво, но важно уже то, что Кальво не испугался этих выступлений, а возглавил массы в их борьбе против предательства хунты.

Источники, освещающие непосредственно события 5—6 июня, состоят, прежде всего, из устного предания. Бойке, красочно расписывающий убий-

³⁶ T o r é n o. Histoire..., p. 232—244.

³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 572.

³⁸ V. V o i x. Historia..., t. II, p. 159—162.

ства, сам заключает, что пишет со слов оставшихся в живых французов. Нечего и говорить, что эти свидетельства неточны, преувеличены и вдобавок записаны услужливым пером. Второй источник — обвинительный акт против Кальво — документ крайне тенденциозный.

В архиве Строганова имеется документ более раннего происхождения: уже упомянутое воззвание хунты от 15 июня. Это воззвание, не использованное историками, помогает выяснить ход событий. Оно начинается словами: «Легко веришь тому, чего боишься, — поэтому легко было использовать послушное легковерие полных энтузиазма людей, которые не могли ожидать такого обмана со стороны служителя алтаря.

Раздувая этот страх, Кальво стал господином их воли: уверил их в том, что из французов, находящихся в крепости, одни бежали, а другие замыслили предательство и месть; что они повернули артиллерию против города и собираются воспользоваться возможностью, которую им предоставила Верховная хунта, оставив незащищенной крепость. Кальво заставил их [своих сторонников] овладеть ею»³⁹.

Отметим прежде всего, что сторонников Кальво здесь называют «людьми, полными энтузиазма». Хунта вынуждена была признать чистоту и патристичность их замыслов. Лишь позже, в обвинительном заключении, она в бешенстве назовет их «злодеями» и «чернью». Хунта признавала здесь, что целью Кальво был захват крепости, которую он считал незащищенной, что именно на овладение ею он и повел жителей города. В воззвании говорилось о «воспламенившихся душах» людей, захвативших крепость, которые скоро успокоились бы, если бы «чудовище своим присутствием и убеждением не направляло бы каждый удар».

Говоря об убийстве французов, авторы воззвания утверждали, что для Кальво пролитие «такого количества французской крови нужно было лишь для того, чтобы стать повелителем кулаков и кинжалов», что он «собирался пролить кровь и главнейших начальников, которым народ подарил свое доверие, и членов хунты»⁴⁰.

Как народ доверял своим начальникам, мы уже знаем. В обвинительном заключении Кальво инкриминируется следующее заявление: «Многие из членов хунты связаны с врагом; поэтому они оставили незащищенными наши границы со стороны Ламанчи, намереваясь устроить побег находящихся в крепости французов, чтобы они могли вооружиться против нас». Такими речами, говорится далее, Кальво «возбудил чернь для того, чтобы она, полная страха и недоверия, убила этих несчастных; он напугал затем, с кинжалом в руке, хунту»⁴¹. По словам Бойкса, окружавший крепость народ повторял «те же слова, которые несколько дней тому назад твердил Кальво, чтобы посеять недоверие: в хунте имеются предатели; все мы преданы; поручить защиту крепости нескольким несчастным инвалидам — это измена и предательство; нужно казнить предателей и расформировать хунту»⁴².

Резюмируя сказанное выше, необходимо отметить, что и до появления Кальво в Валенсии имели место выступления плебейских масс против предателей, но они были разрозненны, а потому мало эффективны. Кальво приобрел в течение нескольких дней огромный авторитет, сумел организовать и объединить массы и повести их на захват крепости. Неясным остается лишь вопрос об убийстве французов и о роли в нем Кальво.

Очевидно, ненависть к французам, как к соотечественникам интервентов, вылилась при захвате крепости в убийство многих из них. Но следует решительно отвергнуть утверждение, будто эти убийства были главной целью выступления «низов». Они были, очевидно, не более как эпизодом в борьбе плебейских масс. Вряд ли можно считать случайным, что из всей

³⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 551.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См. V. Boix. Historia..., t. II, p. 160.

⁴² V. Boix. Historia..., t. II, p. 163.

подборки документов, попавших в архив Строганова, только в одном (во звание от 15 июня) говорится об убийствах французов, столь широко описанных в буржуазной исторической литературе.

После захвата крепости Кальво стал господином положения в Валенсии. Члены хунты попятались, узнав, что он фактически взял власть свои руки. Когда Рико пытался уговорить командиров выступить против Кальво, солдаты, узнав об этом, отказались слушать начальство, заявляя, что лишь Кальво — настоящий патриот⁴³. Кальво поспешил закрепить свое положение военными мероприятиями: он распорядился обеспечить подступы к крепости от неожиданного нападения, выставив у ее входа и стен три заряженные пушки. Потом он направил Конкисте письмо:

«Сиятельный синьор! Критические обстоятельства требуют, чтоб Ваше сиятельство не принимало никаких мер ни политического, ни военного характера. Поэтому заявляю Вашему сиятельству от имени народа что, в противном случае, Вы будете отвечать головой. От его же имени предупреждаю Вас, чтобы Вы оставались спокойно в своем доме не пытались бежать, потому что этим Вы обречете себя на гибель». После этих слов злой иронией звучала обычная в то время эпистолярная форма прощания: «Бог да сохранит Ваше сиятельство на многие годы. Цитадель Валенсии, 6 июня 1808 г. и первого года царствования нашего августейшего монарха Фердинанда VII. От имени этого синьора и в качестве представителя народа Бальтазар Кальво»⁴⁴.

В тот же день Кальво разослал ряду лиц следующие письма: «Именем Фердинанда VII... народ Валенсии соблаговолит назначить Вас одним из гласных хунты, которая должна будет временно управлять этим королевством, надеясь, что Вы не противопоставите никаких предлогов для отказа, так как он решил не допускать его»⁴⁵.

Итак, выступая в качестве представителя народа, сместив именем его и короля Фердинанда Конкисту и предательскую хунту, Кальво прежде всего стремился создать новую правительственную власть. К сожалению мы не знаем, кого именно он намечал в состав новой хунты. Но очень важно, что Кальво в отличие от Рико отнюдь не старался установить преемственность между ней и старыми властями. Напротив, он созывал ее от имени народа, действуя революционно-плебейскими методами, открыто подчеркивая разрыв со старыми изменническими властями.

Между тем борьба, происходившая, как мы видели, на улицах Валенсии еще с конца мая, теперь усилилась. Народ Валенсии чинил суд и расправу над предателями, и не один из них был в эти дни убит.

Те, чья «безопасность и собственность» подвергались угрозе, испытывали чувство ужаса. Некоторые «добрые граждане» предлагали взять приступом крепость, но Конкиста, Рико и другие отклонили этот проект, боясь ожесточить Кальво атакой, исход которой, как пишет Бойке, был весьма сомнителен. Тогда Висенте Бертран придумал ловкий маневр, уговорил хунту включить Кальво в свой состав, и сам отправился сообщить Кальво эту новость. Последний был очень удивлен и стал уверять Бертрана, что вовсе не стремится войти в старую хунту, а хочет создать новую. Однако Бертран уговорил его отправиться на заседание хунты, оставив крепость.

Этим маневром хунта восстановила свою власть, пресекла возможности созыва другой хунты и обезопасила себя от нападков Кальво и его сторонников, заставив их разделить ответственность за свои действия. Правда хунте пришлось кое-чем поступиться, например декретировать более энергичные военные меры. В приказе от 6 июня 1808 г. предусматривались, например, конфискация имущества французов, предоставление населением

⁴³ Schepeler. Geschichte..., Bd. I, S. 175.

⁴⁴ V. Boix. Historia..., p. 168.

⁴⁵ Ibid., p. 169.

всех ненужных для работы лошадей для создания кавалерии, конфискация половины урожая риса и зерна и т. п.⁴⁶

Но основной смысл маневра хунты состоял в том, чтобы выманить Кальво из цитадели. Сторонники Кальво, не знавшие, что их вождь покинул крепость, были рассеяны по всему городу. Это позволило «друзьям порядка» заставить гарнизон враспloh и в ночь на 7 июня захватить крепость. В операции участвовали как представители старых властей, так и руководители восстания 24 мая. Подробности ее, к сожалению, неизвестны.

С падением крепости власть Кальво была подорвана. Все сторонники «безопасности и собственности» сплотились для его уничтожения. Наиболее активно действовали Бертраны и Рико. На рассвете 7 июня они расставили вокруг дворца, где должна была заседать хунта, вооруженных людей. Когда заседание открылось, Рико выступил с речью, обвиняя Кальво в том, что он содействует анархии. В таком духе говорил и Конкиста, и Кальво был тут же взят под стражу. Но и арестованный Кальво вызывал страх, хунта, видимо, боялась, что массы его освободят, и в ту же ночь он был отправлен на о. Майорка.

С арестом Кальво спокойствие в Валенсии не было восстановлено. По словам Бойкса, «пожар, зажженный 5-го ночью, не прекращался». Бойкс не говорит, что это был за «пожар». Только из документов хунты мы узнаем, что власти одни были бессильны с ним справиться и инициативу взяли на себя «почтенные жители», т. е. представители буржуазии. Они создали отряды, которые начали «наводить порядок» с благословения хунты, призвавшей в приказе от 7 июня «всех почтенных жителей, глав семей, вооружиться под руководством муниципалитета, чтобы рассеять силой все сборища и толпы людей такого рода (т. е. людей, посягающих на «порядок» и собственность.— *Н. М.*), обезоружить и проучить их»⁴⁷.

Но грозный приказ, по-видимому, не помог. Через два дня, 9 июня, последовал новый приказ о разоружении населения под предлогом нужд обороны. «Для того чтобы обеспечить безопасность королевства и подступов к нему,— говорилось в нем,— Верховная хунта объявляет, что ей срочно необходимо оружие... и призывает всех граждан добровольно предоставить его ей... Имена владельцев оружия будут записаны, чтобы вернуть им его, как только обстоятельства это разрешат»⁴⁸.

Но только городские низы были охвачены волнением. Брожение распространилось и на войска. Об этом свидетельствует приказ хунты от 10 июня, который запрещал солдатам под страхом смертной казни переходить из одного корпуса в другой, угрожая командирам, разрешившим переход, смещением с постов; солдат, не повинующихся своим начальникам, рекомендовалось прогонять сквозь строй; «всякие претензии, обращенные мятежным способом к Верховной хунте, генералам и командирам корпусов, свидетельствуют об отсутствии любви к справедливому делу и являются непослушанием по отношению к синьору дону Фердинанду VII, нашему любимому суверену; вследствие этого соответствующие лица будут рассматриваться как изменники»⁴⁹.

Мобилизовав всех, чьей «безопасности и собственности» угрожал Кальво, хунта создала, как мы видели, трибунал для наказания «злоумышленников». По его решению проводились массовые казни. Кальво был казнен 3 июля. Расправа с представителями патриотического и плебейского движения приняла широкий размах. Шенелер пишет, что «ночью в темницах было удушено более 300 человек, из которых многие повинны были не в кровопролитии (т. е. убийстве французов.— *Н. М.*), а в революции против Наполеона»⁵⁰.

⁴⁶ АВВР, ф. Канцелярия, д. 7513, л. 559, 560.

⁴⁷ Там же, л. 572.

⁴⁸ Там же, л. 557.

⁴⁹ Там же, л. 556.

⁵⁰ Schepeler. Geschichte..., Bd. I, S. 177.

Но как объяснить казнь стольких людей? Очевидно, с целью оправдания властей и была создана впоследствии версия, повторяемая с тех пор большинством историков, что это были казни убийц французов и что именно эти убийства и составляют сущность событий 5—6 июня.

Следующий по дате приказ, имеющийся в архиве Строганова, издан 10 июля. Из литературы известно, что за этот месяц в Валенсии произошли большие события: в конце июня к стенам города подошли французские войска. Предательская хунта хотела капитулировать. Узнав об этом, народ ворвался в зал заседаний, намереваясь убить ее членов. Перепуганные «отцы города» еле вымолили себе прощение, подчинившись требованию масс лично принять участие в обороне города⁵¹.

Атака французов была отбита, и они вынуждены были отступить. Шепелер считает справедливым мнение Рико, что Конкиста предательски руководил военными действиями, и если бы не это, войска французского генерала Монсея были бы не только отброшены от Валенсии, но и разбиты⁵².

Столкновения с неприятелем еще более повысили активность и патриотизм масс. В приказе от 10 июля хунта отмечала, что «во многих населенных пунктах... возникли незаконные хунты для защиты отечества». Верховная хунта, игнорируя стремление народа принять активное участие в борьбе против интервентов, приказывала распустить эти хунты, сохранив их только в главных городах провинции⁵³.

О событиях, происходивших летом 1808 г. в Валенсии вне ее столицы, историки обычно глухо замечают, что, не будь смертных приговоров и казней, «вряд ли можно было бы подавить анархию в Валенсии и других городах провинции». Эта фраза Торено, дословно повторенная Лафуэнте⁵⁴, показывает, что эти историки не сводят концы с концами — ибо какая могла быть связь между казнью убийц французов в столице Валенсии и «анархией» в провинции?

Несколько больше мы узнаем у Шепелера, который сообщает, что в ряде городов Валенсии народ провозгласил королем Фердинанда в противовес Жозефу, а некоторые власть имущие, особенно те, которые издавна были ненавистны народу, были убиты⁵⁵.

В приказе хунты от 28 июля 1808 г. говорилось о «нарушениях общественного спокойствия», происходящих «во всех населенных пунктах королевства», об «огромных преступлениях, которые совершались и продолжают совершаться», о «многочисленных убийствах, прабежах и насилиях». Приказ объявлял о постройке в главных городах королевства эшафотов, чтобы приговоры трибунала немедленно приводились в исполнение⁵⁶.

Не довольствуясь этим, хунта на следующий день, 29 июля, сообщила о созыве Комитета общественной безопасности. Под этим наименованием был создан орган для «расследования и наказания преступлений, связанных с обстоятельствами сегодняшнего дня... и с движениями, вызванными ими»⁵⁷. Что за характер имели эти «преступления», видно из другого приказа, выпущенного в тот же день. «Верховная хунта этого королевства,— говорилось в нем,— с прискорбием узнала, что некоторые подданные, забыв о священных обязательствах, налагаемых на них законами, отказываются под предлогом нынешних событий платить налоги в государственную казну, арендную плату и сеньориальные платежи владельцам десятины, домов, земель и населенных пунктов. Желая с корнем выкорчевать зло, столь подрывающее основу общества, столь противоречащее благородным и честным чувствам, которые должны быть свойственны вассалам его

⁵¹ Schepeler. Geschichte., S. 183—184.

⁵² Ibid., S. 187.

⁵³ АВПР. ф. Канцелярия, д. 7513, л. 546.

⁵⁴ Toréno. Histoire..., t. I, p. 244; M. Lafuente. Historia general de España, t. XIV. Barcelona, 1889, p. 304.

⁵⁵ Schepeler. Geschichte..., Bd. I, S. 166.

⁵⁶ АВПР. ф. Канцелярия, д. 7513, л. 539.

⁵⁷ Там же, л. 536.

величества Фердинанда VII, хунта объявляет нарушителем общественного спокойствия любого подданного, который без иного основания, чем то, что *ныне не платят никому* или что нет короля... отказывается платить казне и другим заинтересованным лицам законные налоги и платежи.

Трибунал Комитета общественной безопасности будет действовать против этих преступников»⁵⁸.

Трудно переоценить значение этого документа. Он показывает, что в конце июля за словами о нарушении общественного спокойствия скрывались не только «убийства и грабежи», но и отказ от уплаты ренты, феодальных платежей, десятины и государственных налогов. Приказ с несомненностью свидетельствует о том, что в Валенсии имело место и аграрное движение. В каком масштабе и с какой силой — судить, к сожалению, нельзя. Но, по-видимому, с этим движением связано утверждение упомянутого выше приказа от 28 июля о том, что «нарушения общественного спокойствия» происходили «во всех населенных пунктах королевства». Оба эти приказа свидетельствуют, таким образом, о наличии в Испании в период национально-освободительной борьбы против Наполеона элементов аграрного движения. Этот факт не был отмечен никем из историков.

Остается упомянуть еще о приказе от 30 июля. В нем снова шла речь о «находящемся у многих жителей столицы в большом количестве оружии»⁵⁹. Это еще одно свидетельство того, что народные массы Валенсии, несмотря на упорный нажим властей, не складывали оружия.

Но репрессии усиливались. Вся Валенсия, по словам Шепелера, покрылась эшафотами. После того как натиск французских войск был отражен, Рико обвинил Конкисту и прокурора Манескау в измене. Была назначена комиссия, но расследование не дало никаких результатов. Тогда представители старых властей, использовав момент, когда в конце 1808 г. испанские войска оставили Мадрид и отступали на юг, сами перешли в наступление, обвинив в измене Морено, Рико, Бертрана и добившись их ареста. Деятельность вожаков национально-освободительного восстания в Валенсии закончилась бесславно. Испугавшись плебейского движения, соединившись для расправы с ним со своими врагами, они сами лишили себя опоры в массах. Не удивительно, что их вчерашние союзники воспользовались случаем, чтобы расправиться с ними. Вскоре Конкиста открыто предал народное движение, перейдя на сторону французских поработителей⁶⁰.

* * *

Суммируя сказанное, нам хочется прежде всего подчеркнуть, что после национально-освободительного восстания 23—24 мая народные массы Валенсии не были удовлетворены созданием хунты. Расправляясь с предателями, они одновременно выдвинули требование отмены налогов, стали совершать «покушения на собственность» имущих лиц. Плебейское движение 5—6 июня вылилось в восстание, которое было коварно задушено. Движение низов перекинулось в деревню и тоже было подавлено с большой жестокостью.

Плебейское восстание, вспыхнувшее в Валенсии во время национально-освободительной войны против Наполеона, очевидно, не было единственным. Это показывают многочисленные упоминания об «анархии» в источниках того времени. Нам удалось, использовав случайно попавшие в русский архив документы, рассказать о движении народных низов Валенсии. Систематическое изучение испанских архивов, несомненно, позволит по-новому осветить вопрос о движении народных масс и классовой борьбе в Испании в годы героической борьбы против французской интервенции.

⁵⁸ Там же, л. 538.

⁵⁹ Там же, л. 535.

⁶⁰ См. Schepeler. Geschichte..., Bd. I, S. 178—182, 514—519; Bd. II, S. 184—191.